

А.В. Прокофьев

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ: УТИЛИТАРИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. В данной статье проанализированы преимущества и недостатки утилитаристской этики в качестве основы моральных критериев принятия решений, которые затрагивают интересы представителей отдаленных будущих поколений. Автор показывает, что утилитаризм не испытывает трудностей с включением людей будущего в моральное сообщество, и это выгодно отличает его от договорных концепций морали. Однако он нуждается в дисконтировании будущих выгод и затрат, которое требует специального этического обоснования. Автор показывает условный и ситуативный характер всех аргументов в пользу дисконтирования. Отсюда следует вывод о том, что утилитаристский подход не может быть монопольной нормативной методологией этики будущего. Утилитаристские методики принятия решений (в том числе, анализ выгод и затрат) играют важную роль в социально-этических исследованиях, посвященных проблеме защиты интересов будущих поколений, но они непременно должны быть дополнены иными способами выявления общественного блага в межпоколенческом контексте.

Ключевые слова: философия, мораль, этика, экономика, утилитаризм, справедливость, будущее, дисконтирование, ресурсы, экосистемы.

Проблема будущих поколений в социальной этике

Проблема защиты интересов будущих поколений — чрезвычайно примечательная социально-этическая проблема в связи с двумя ее особенностями. Во-первых, она представляет собой реальную, ненадуманную болевую точку современной общественной практики. Во-вторых, она является таким вопросом, решение которого обнажает слабость и неполноту существующих этических методологий. Совпадение этих обстоятельств создает ситуацию, в которой нормативная и непосредственно ориентированная на практику часть этики оказывается не просто в тупике, а в тупике, который сложился на фоне мощного общественного запроса на разъяснения и рекомендации с ее стороны. Социальная этика по-

падает на сцену широкой общественной дискуссии, она подсвечена рампой mass media, она делается людьми, которые выступают в двойном качестве — исследователей и государственных чиновников, исследователей и политических советников, исследователей и гражданских активистов и т.д. Это резко активизирует теоретические противостояния и поднимает градус теоретических споров, а также подчеркивает неустранимые трудности, с которыми сталкивается академический догматизм и ригоризм, когда от специалиста по этике требуется не только создать связную, оригинальную концепцию или уличить оппонента в несогласованности позиции, но и предложить участникам практики ответ на вопрос: почему *это* недопустимо, а *это*, напротив, является предметом позитивной обязанности.

Применительно к проблеме будущих поколений стоящую перед социальной этикой задачу мож-

**Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
исследовательский проект № 12-03-00057 на тему
«Принцип защиты интересов будущих поколений в экологической этике
(теоретическое обоснование, нормативное содержание
и практическая реализация)»**

но охарактеризовать следующим образом. С одной стороны, в нравственном опыте глубоко укоренено убеждение в том, что интересы тех людей, которые еще не существуют, но когда-нибудь придут на смену живущим сегодня, имеют определенное моральное значение. Мнение о том, что нынешнее поколение не несет никакой ответственности за положение будущих поколений, воспринимается как шокирующее и противоречащее нравственным принципам уважения к другому человеку и заботы о нем. С другой стороны, нынешнее поколение не может не использовать ресурсы, которые могут потребоваться людям будущего. Мы стремимся полнее удовлетворить свои потребности, мы воздействуем на те явления и процессы, которые составляют необходимую основу существования человека, и тем самым создаем риски, способные реализоваться через многие десятки и даже сотни лет. Отсюда следует, что нынешнее поколение остро нуждается в прозрачных и очевидных правилах, которые позволяли бы ему соотносить собственные интересы и интересы своих преемников в различных сферах человеческой деятельности и по отношению к широкому ряду благ. Главным, хотя и не единственным, проявлением такого баланса интересов служит правильный выбор масштаба и характера различного рода сберегательных фондов — в виде прямых финансовых сбережений, замороженных месторождений полезных ископаемых, неподорванной интенсивным использованием продуктивности экосистем или такого состояния окружающей среды, на котором не отразился эффект многолетнего промышленного загрязнения. От этики в этой ситуации требуется представить корректную практическую конкретизацию крайне неопределенной обязанности перед будущими поколениями на основе таких нормативных аргументов, которые имеют шанс убедить участников общественного дискурса.

Эта задача является совсем непростой. Одним из центральных затруднений служит то обстоятельство, что в данном случае приходится выявлять моральные обязанности в отношении весьма специфического, непривычного для этики другого. Будущие поколения, во-первых, не существуют, во-вторых, не находятся с нами в отношениях взаимности¹. Человек будущего — это такой *объект*

нравственной озабоченности, который не является *субъектом*, по крайней мере, на настоящий момент. Отношения с ним изначально ассиметричны и в плане воздействия, и в плане коммуникации. Будущие поколения не способны оказывать влияние на положение нынешнего. Они даже не могут обсуждать с ним свое собственное положение, выдвигая те или иные претензии. Однако их благосостояние и сама жизнь самым фундаментальным образом зависят действий предшественников и от сегодняшних общественных дебатов. Поэтому, например, очень влиятельные на настоящий момент договорные образцы социальной этики проявляют определенную беспомощность, пробуксовывают в рамках этой проблематики, точно так же как в рамках этики отношения к природе. Решение вопроса о «справедливых сбережениях» в трудах Дж. Ролза и острая дискуссия вокруг него в этом смысле являются чрезвычайно показательными. Всякая возможность снять эти трудности вызывает у исследователей определенное облегчение и энтузиазм. Поэтому некоторым из них многообещающим подходом кажется утилитаристский.

Утилитаристская этика и анализ выгод и затрат

Утилитаризм полноценно отвечает нормативной интуиции озабоченности положением людей будущего. Для утилитариста ни фактор наличной субъектности, ни фактор взаимности не имеет существенного значения. Благосостояние каждого человека имеет одинаковый вес вне зависимости от места его проживания, принадлежности к различным группам, социального статуса, а также времени существования. Основой для выявления оптимального характера и масштаба сбережений в пользу будущих поколений в утилитаристской перспективе служит беспристрастное суммирование межпоколенческого благосостояния. Уже классики утилитаризма выразили эту мысль с абсолютной очевидностью. Так Г. Сиджвик писал о том, что «по-видимому, момент времени, в который существует человек, не может затрагивать ценность его счастья с универсальной точки зрения, и что интересы последующих поколений должны быть предметом озабоченности утилитариста в той

¹ В отечественной этике эта проблематика была исследована Р.Г.Апресяном применительно к этическому статусу животных и экосистем (Апресян Р.Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и не-антропоцентризма // Эти-

ческая мысль. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2010. С. 5-19). Будущие поколения — еще один ее контекст, в чем-то более, в чем-то менее яркий.

же мере, как и интересы его современников»². В позднейшей утилитаристской традиции мы видим ту же самую тенденцию. Ее представитель Дж.Дж. Смит, отвечая на вопрос: «Почему будущие поколения не должны иметь такое же значение как и существующие?», утверждал, что «отрицать это значит проявлять темпоральную ограниченность... Если мы с фактической точностью знаем, что меры, которые принесут страдание и смерть десяткам миллионов сегодня будут иметь в качестве результата спасение от еще больших страданий и от смерти сотен миллионов в будущем, и если таков единственный способ, которым этого можно добиться, то было бы правомерно пойти на подобную жестокость»³. Оценивая утилитаристскую мысль в целом, современный утилитарист Т. Малган делает вывод, что в большинстве своих проявлений она демонстрирует беспристрастность в отношении «реальных» и лишь «возможных» людей и отходит от этого базового убеждения только под давлением порожденных им трудностей и парадоксов⁴.

Кроме теоретических преимуществ, связанных с его соответствием интуитивно очевидной обязанности заботиться об интересах людей будущего, утилитаризм обещает и сугубо практические преимущества. На его основе защита интересов будущих поколений имеет шанс превратиться в один из автоматически реализующихся аспектов анализа выгод и затрат. А эта методика на настоящий момент является широко распространенным способом разработки и оценки мер государственного регулирования. В качестве первого шага анализ выгод и затрат требует выделить какую-то группу в отношении которой будет осуществляться суммирование (например, жителей региона, национальное сообщество или человечество в целом). В качестве следующего шага он требует определиться с необходимыми расходами на введение какого-то государственного регулирования, а также с сопровождающими его потерями, выявляемыми на основе сравнения с последствиями бездействия. Затем необходимо определить выгоды от введения регулирования, состоящие в снижении уровня смертности и заболеваемости,

повышении уровня потребления определенных благ, улучшении состояния природной среды и т.д. и т.п. И выгоды, и затраты оцениваются в свете вероятности их возникновения и в свете разброса экспертных оценок, что ведет к их выражению в виде интервалов с указанием на какую-то оценку в качестве наиболее вероятной. Затем следует установление экономической ценности всех выгод и затрат, включая спасенные и потерянные человеческие жизни, ухудшившееся или улучшившееся здоровье людей, сохраненные или уничтоженные виды и экосистемы. Это обеспечивается за счет приведения потерь и приобретений к единому денежному знаменателю.

Важную роль в определении денежной стоимости различных благ играет определение готовности людей платить за их потребление или существование, а также готовности получать компенсацию за невозможность ими пользоваться или за их разрушение. Такая готовность определяется на основе анализа поведения участников реальных рынков или на основе социологических методик, выявляющих потребность в тех благах, которые на реальных рынках не представлены (речь идет о качестве окружающей среды, биоразнообразии, сохранении природных ландшафтов, объектов культурного наследия и т.д.) В итоге, морально обоснованной оказывается та управленческая стратегия, которая обеспечивает наибольшее превышение коллективных суммированных выгод над коллективными суммированными затратами. Во многих странах использование анализа выгод и затрат в государственном управлении является законодательно закрепленным требованием, схожая ситуация сложилась и на международном уровне (например, существуют рекомендации международных организаций по стимулированию стоимостной оценки экологических благ)⁵. Так как группы людей, в отношении которых применяется анализ выгод и затрат, существуют длительное время, то учет интересов будущих поколений в утилитаристской перспективе может не потребовать от правительств разработки какой-то специальной политики, он может свестись к совершенствованию уже существующих институтов и инструментов.

² Sidgwick H. *The Methods of Ethics*. L.: Macmillan, 1884. P. 410-411.

³ Smart J.J. *An Outline of a System of Utilitarian Ethics* // Smart J.J., Williams B.O. *Utilitarianism: For and Against*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 17.

⁴ Mulgan T. *Understanding Utilitarianism*. Stocksfield: Acumen, 2007. P. 174.

⁵ Общую характеристику анализа выгод и затрат см.: Pearce D.W., Mourato S., Atkinson G. *Cost-Benefit Analysis and the Environment: Recent Developments*. Paris: OECD Publishing, 2006; Sunstein C. *Cost-Benefit Analysis and the Environment* // *Ethics*. 2005. Vol. 115. № 2. P. 352-356.

Создает ли использование утилитаристской нормативной методологии и, как следствие, анализа выгод и затрат какие-нибудь серьезные проблемы в межпоколенческом контексте? Попытка применять их по отношению к совокупности людей, включающей нынешнее и все будущие поколения, ведет к двум неприятным следствиям. Во-первых, к необходимости заглядывать в столь отдаленные периоды будущего, где наши способности предвидеть и предсказывать события оказываются бессильны. Информационные основания морального выбора, основанного на стремлении увеличить всеобщее благосостояние, оказываются в этом случае чрезвычайно шаткими и ненадежными. Во-вторых, к необходимости абсолютно непропорциональной жертвенности людей сегодняшнего дня в пользу людей будущего. При благоприятном для человечества стечении обстоятельств людей будущего оказывается бесконечно много и, значит, сберегательные фонды должны быть огромны. В модели экономиста Т. Купманса, предполагающей, что только одно из следующих друг за другом поколений может делать инвестиции, которые увеличивают благосостояние потомков, оптимальный уровень сбережений приближается к 100% национального дохода. И только тот факт, что в соответствии с правилом убывания предельной полезности ценность потребления этим несчастным поколением оставшихся 2-3% резко возрастает, не позволяет утилитаристской социальной этике выставить требование о необходимости пожертвовать всем. Но и в более реалистичной модели К. Эрроу, которая предполагает, что инвестиции, улучшающие положение будущих поколений, доступны в любой момент, уровень оправданных сбережений все равно оказывается интуитивно неприемлемым — 2/3 и более. При этом перспектива существования необозримого количества будущих поколений делает необходимым для каждого поколения в ряду сохранять этот неприемлемый уровень сбережений. А это означает, что потребление сверх минимума, обеспечивающего выживание, вообще находится под нравственным запретом⁶.

Снять эти трудности позволяет довольно простой механизм, именуемый социальным дисконтированием будущего. Он предполагает, что потери и приобретения, относящиеся к будущему, имеют несколько меньший вес в сравнении с потерями

и приобретениями, которые следуют непосредственно за определенным решением. Чем дальше от момента принятия решения отстоит получение блага тем или иным человеком, тем меньший вес оно будет иметь в рамках сегодняшнего расчета выгод и затрат. Та же тенденция характеризует относящийся к будущему ущерб. Тем самым жертвенность минимизируется, а временной горизонт принятия решений ограничивается — последствия наших действий, относящиеся к сверхотдаленному будущему, можно даже не пытаться угадывать, поскольку их значимость все равно будет стремиться к нулю.

Этические дискуссии вокруг социального дисконтирования будущего

Итак, мы видим, что дисконтирование сегодняшней ценности будущих благ является эффективным техническим приемом для снятия парадоксов-затруднений утилитаризма, выступающего в качестве этики, обращенной к будущему. Однако техническая эффективность этого приема не тождественна его нравственной оправданности. Отсутствие такой оправданности будет свидетельствовать о том, что надо отбросить как само дисконтирование, так и нуждающуюся в нем утилитаристскую парадигму защиты интересов будущих поколений. В практическом ключе необходимо будет резко ограничить использование методики анализа выгод и затрат в этой сфере и найти ей морально обоснованную и эффективно работающую замену. В этом причина пристального интереса исследователей к вопросу о том, может ли дисконтирование будущего получить позитивное моральное обоснование. В качестве ответа на него используется следующий набор аргументов.

Во-первых, социальное дисконтирование будущего отражает отсутствие уверенности в том, что получатели благ в будущем вообще будут существовать. Возможность исчезновения адресата жертв и самоограничений делает жертвы и самоограничения заметно менее обоснованными. С каждым успешно пережитым годом и десятилетием шансы человечества погибнуть вследствие неподконтрольных ему явлений (космической катастрофы, молниеносной и непреодолимой эпидемии и т.д. и т.п.) возрастают. Возрастание такой вероятности находит свое отражение в соответствующем ему убывании сегодняшней стоимости потерь и при-

⁶ См.: Arrow K.J. Discounting, Morality, and Gaming // Discounting and Intergenerational Equity / Ed. P. Portney and J. Weyant. Washington: Resources for the Future, 1999. P. 14-16.

обретений все менее и менее «возможных» людей будущего⁷.

Во-вторых, социальное дисконтирование будущего отражает отсутствие уверенности в том, что определенные ресурсы понадобятся будущим поколениям в связи с их системой ценностей и образом жизни или со спецификой технологий. Существует вероятность того, что некоторые из высоко ценимых нами благ потеряют свою значимость в будущем. Например, люди будущего могут не ценить красоту дикой природы или возможность пользоваться широким спектром потребительских благ, то есть не стремиться к такому уровню жизни как наши современники. Если взять любой из этих сценариев в качестве отправного, то следует изменить характер и существенно уменьшить масштаб сберегательных фондов и самоограничений ради будущего, в сравнении со сценарием, построенном на предположении об устойчивости предпочтений. А это тождественно дисконтированию потребления некоторых благ будущими поколениями в рамках анализа выгод и затрат. С другой стороны, у наших преемников может оказаться в руках такой технологический арсенал, который либо снимет их зависимость от высоко ценящихся сегодня ресурсов либо позволит дешево и эффективно устранять последствия технологического воздействия на здоровье человека и экосистемы. Изменения такого рода многократно случались в истории человечества и их вероятность может рассматриваться как еще один повод для социального дисконтирования будущего.

В-третьих, социальное дисконтирование будущего опирается на убеждение в том, что жертвы в пользу будущих людей — это жертвы менее обеспеченных в пользу более обеспеченных. В соответствии с укоренным в утилитаристской этике представлением об убывании предельной полезности, потребление единицы какого-то блага менее обеспеченным им человеком дает больший прирост благосостояния, чем потребление того же количества блага более обеспеченным. Если обеспеченность возрастает с течением времени, то последовательное уменьшение значимости потребления единицы этого блага людьми будущих поколений вполне оправданно.

В-четвертых, социальное дисконтирование будущего опирается на убеждение в том, что с течением времени убывает эмпатическая близость

между представителями разных поколений и это убывание представляет собой значимый для морали фактор. Хотя утилитаристская этика построена в соответствии с бентамовским принципом «каждый должен приниматься в расчет как один человек, и никто — как более, чем один», на уровне своих конкретизаций она допускает определенные предпочтения в пользу «своих» или «близких». Несмотря на постоянно воспроизводящиеся разоблачения магии местоимения «мой» в духе У. Годвина и П. Сингера, утилитаризм в целом находит некоторые аргументы в пользу умеренной пристрастности, связанной с семейной, коммунитарной и национальной близостью людей. В этом случае представителей будущих поколений следует рассматривать как наших потомков, родственная близость с которыми постоянно убывает с течением времени, и как наших соотечественников, которые продолжают общее политическое и культурное дело, хотя характеристики этого общего дела со временем неизбежно меняются. Дисконтирование будущего отражает как факт нашей с ними взаимосвязи, так и факт растущей со временем удаленности⁸.

В-пятых, социальное дисконтирование будущего опирается на понимание того, что создание сберегательных фондов не позволяет получить тот доход, который увеличил бы возможности экономической системы в будущем, то есть ко времени существования будущих поколений. Представим себе еще не реализованный, но уже детально разработанный проект, обеспечивающий сохранение окружающей среды определенного региона. С точки зрения соотношения выгод затрат, он может быть вполне приемлем. Однако вложение средств необходимых для его осуществления в другие инвестиционные проекты может привести к их существенному преумножению, а это позволит добиться спустя некоторое время тех же экологических целей при одновременном увеличении благосостояния нынешнего и будущего поколений. Альтернативное использование средств может оказаться оправданным, даже если дальнейшая деградация окружающей среды региона потребует в будущем больших затрат на ее восстановление. На основе рассуждения об упущенной выгоде или альтернативных издержках возникает предположение, что

⁷ Dasgupta P.S., Heal G.M. *Economic Theory and Exhaustible Resources*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 261-262.

⁸ См.: Arrow K.J. *Discounting, Morality, and Gaming // Discounting and Intergenerational Equity / Ed. P. Portney and J. Weyant. Washington: Resources for the Future, 1999. P. 16-17; Beckerman W., Hepburn C. Ethics of the Discount Rate in the Stern Review on the Economics of Climate Change // World Economics. 2007. Vol. 8. № 1. P. 195-202.*

коэффициент дисконтирования должен быть равен доходности нерискованных финансовых вложений, преимущественно, вложений в долговременные государственные ценные бумаги.

В-шестых, социальное дисконтирование будущего может быть оправдано на основе апелляции к всеобщей психологической тенденции больше ценить блага, получаемые в ближайшей временной перспективе. Выбор между 100 рублями сегодня и 100 рублями через несколько месяцев по общему правилу склоняется в пользу первого варианта (даже если у выбирающего будут полные гарантии в отношении будущей покупательной способности денег и его возможностей полноценно воспользоваться ими). Для утилитаристов это обстоятельство приобретает этическое значение, поскольку, во-первых, стремясь увеличить полезность, приходится учитывать предпочтения людей в том виде, в каком они существуют на настоящий момент, во-вторых, в связи с тем, что в демократически устроенном обществе правительства не в праве навязывать своим гражданам ценностные ориентиры, касающиеся этической значимости представителей других национальных сообществ или людей будущего, и, наконец, в связи с тем, что в демократическом обществе такое навязывание было бы невозможным — с помощью демократических процедур дисконтирующие будущее граждане неизбежно вернут дисконтирование в число критериев принятия управленческих решений, даже если кто-то захочет изъять его оттуда.

Ни один из перечисленных пунктов не избегает в современной социальной этике довольно жесткой критики. Некоторые из критических соображений выдвигаются для того, чтобы уточнить правомерный масштаб дисконтирования будущего, другие — для того, чтобы показать, что оно морально необоснованно в любых своих проявлениях, а вместе с ним необоснованно и широкое использование методики анализа выгод и затрат.

Хотя аргументы, связанные с неопределенностью, в утилитаристской этике являются наиболее ранними по своему возникновению и интуитивно самыми убедительными, они не выступают как незыблемое этическое основание дисконтирования. С течением времени нарастает не только вероятность смертельной для человечества катастрофы, но и вероятность значительных, но несмертельных катастроф, которые не устранят адресат наших жертв и самоограничений, а, напротив, создадут у него дополнительную потребность в ресурсах. Эти тенденции (одна из которых требует введения

позитивного коэффициента дисконтирования, а другая — негативного) уравнивают друг друга. Подобным образом изменение технологий ведет не только к решению тех проблем, которые могут быть смягчены с помощью создания разнообразных сберегательных фондов, но и к усугублению этих проблем, а равно — к возникновению новых. Кроме того, технологический прогресс является не непрерывным процессом, как дисконтирование сегодняшней ценности будущих потерь и приобретений, а волнообразным и захватывающим лишь какие-то сферы человеческой деятельности. Совсем не факт, что даже самые впечатляющие технологические достижения завтрашнего дня будут таковы, что они уменьшат бремя нынешнего поколения по созданию сберегательных фондов, то есть позволят дешево и эффективно устранять экологический ущерб, заместят экосистемные услуги или уменьшат потребность человечества в стремительно тающих невозобновимых природных ресурсах.

Смена ценностных предпочтений будущих поколений также может и снижать уровень необходимых сбережений, и увеличивать его. Даже если будущие поколения, действительно, захотят более простой и потребительски менее насыщенной жизни (что скорее всего уменьшит их потребность в невозобновимых природных ресурсах), то это, скорее всего, будет сопровождаться ростом экологического сознания (то есть увеличит их потребность в здоровой окружающей среде и наличии значительных территорий, занятых дикой, незатронутой человеческим воздействием природы). Примечательно, что довод в пользу дисконтирования, связанный с экономическим ростом и убыванием предельной полезности, частично нейтрализуется именно тем, что социологи фиксируют устойчивую тенденцию увеличения требовательности к экологическим условиям своего существования и чувствительности к исчезновению видов и разрушению экосистем вместе с увеличением экономического благосостояния.

Критика рассуждения об убывающей предельной полезности в одной своей части примыкает к аргументам от неопределенности будущих событий. Это рассуждение имеет смысл только на фоне научно обоснованной уверенности в том, что экономический рост является вечным и что он увеличивает уровень жизни представителей каждого последующего поколения. Однако экономический рост вполне может остановиться по самым разным причинам, часть которых носит даже не экономический, а экологический характер.

Сегодняшняя глобальная динамика в экономической и демографической сферах такова, что человечество приближается к пределам своего роста и даже переходит за эти пределы. Ограничения, связанные с несущей емкостью биосферы Земли, по многим показателям нами уже преодолены. Дальнейший рост, а может быть и консервация нынешнего масштаба давления на окружающую среду ведут к необратимой деградации экосистем и к следующему за ней вполне вероятному падению уровня жизни. Не исключено, что это падение будет чрезвычайно существенным и очень быстрым. Не случайно среди теоретиков и среди активистов экологических движений становится все более привлекательным миллениальный идеал стационарного состояния общества, исключающего демографический и экономический рост и предполагающего такой уровень воздействия хозяйственной деятельности человека на природу, который не разрушал бы экологического равновесия. Негативный эколого-экономический прогноз, конкурирующий с убеждением в неизбежности экономического роста, является сильным аргументом против социального дисконтирования будущего на основе уменьшающейся предельной полезности.

Другие аргументы такого рода связаны уже не с предсказаниями будущего, а с распределительными противоречиями и парадоксами. По опыту мы знаем, что распределение выгод от постоянного экономического роста является крайне неравномерным. Таким образом, дисконтирование будущего представляет собой в значительной мере жертву бедняков будущего ради благополучия состоятельных потребителей современности. Только на фоне широких и эффективных распределительных программ, создание которых на настоящий момент выглядит утопическим, применение концепта «убывающая предельная полезность» по отношению к последовательности поколений было бы оправданным. Наконец, следует учитывать, что в рамках анализа выгод и затрат суммируются и те блага, в отношении которых имеет место убывание предельной полезности, и те, которые не затрагиваются этим эффектом (так называемые «допредельные», или «инфрамаржинальные»). Известный экономист Т. Коуэн, приводит следующий пример: «Том находится в пустыне, а Джейн во влажном штате Висконсин. Для Тома вода обладает более высокой предельной ценностью (полезностью). Но в каком случае потери будут большими: если Том потеряет доступ к воде и умрет или если Джейн потеряет доступ к воде навсегда? Более высокая

предельная ценность (полезность) воды для Тома не определяет вопрос о том, чья жизнь важнее»⁹. Если оба типа благ учитываются в рамках единой калькуляции потерь и приобретений и подвергаются дисконтированию на основе более высокого уровня жизни будущих поколений, то результаты подобной калькуляции оказываются этически необоснованными. В свою очередь, попытки их строгого разделения в значительной мере подрывают смысл проведения анализа выгод и затрат.

Рассуждение об убывании близости между людьми с течением времени (аналогичном убыванию близости по отношению к чужим людям в сравнении с родственниками и друзьями или по отношению к жителям отдаленных территорий, имеющим иное гражданство и иную культурную идентичность, в сравнении с согражданами и соотечественниками) имеет сомнительную силу по нескольким причинам. Во-первых, связь дисконтирования будущего с эффектами эмпатической близости и удаленности не подтверждается психологическими исследованиями¹⁰. Во-вторых, и это гораздо важнее, характер утилитаристских аргументов, обосновывающих пристрастность по отношению к родственникам или соотечественникам, таков, что они плохо работают в межпоколенческом контексте. Здесь применяется либо аргумент от повышенной уязвимости близких людей друг для друга, либо аргумент от общественной полезности тех институтов, которые предполагают пристрастное отношение людей друг к другу (например, семьи или национального государства)¹¹. Перенос обеих линий рассуждения в этику будущего связан с большими затруднениями.

Дело в том, что представители отдаленных будущих поколений как раз и оказываются в отношении действий своих предшественников предельно уязвимыми людьми. Это происходит в силу того, что они абсолютно беззащитны, что они никак не могут повлиять на действия людей сегодняшнего дня и, в отличие от их ближайших преемников, например, детей и внуков, которые, появившись на свет и взрослея, начинают оказывать воздействие на своих отцов и дедов, никогда не смогут занять

⁹ Cowen T. Caring about the Distant Future: Why It Matters and What It Means // The University of Chicago Law Review. 2007. Vol. 74. № 1. P. 39.

¹⁰ См.: Chapman G.B. Time Preferences for the Very Long Term // Acta Psychologica. 2001. Vol. 108. № 2. P. 95-116.

¹¹ Обзор подобной аргументации см.: Прокофьев А.В. По ту сторону беспристрастности // Человек. 2009. № 3. С. 21-34.

позицию воздействующих. Здесь невозможно, как в случае с семейной пристрастностью, сослаться на то, что у тех, кто не являются моими родственниками, есть свои родственники, отвечающие за их благо. Аналогом родственников оказываются в данном случае представители ближайших поколений, которые зачастую уже не могут предотвратить те последствия, которые могли бы предотвратить их более отдаленные предшественники.

Апелляция к общественной полезности институтов, требующих предпочтительного отношения к «своим», также не может служить моральным оправданием пристрастности к близким во временном отношении людям. В рамках утилитаристской логики рассуждения, если семья является безальтернативным средством эффективной ранней социализации, то такая ее роль делает морально оправданной семейную пристрастность. Если национальное государство на настоящий момент является наиболее эффективным средством обеспечения первоочередных человеческих потребностей, то это обстоятельство свидетельствует о моральной оправданности пристрастного отношения к согражданам и соотечественникам. Однако в случае с дисконтированием будущего имеет место иная ситуация: пристрастность в этом случае не выводится из беспристрастных посылок, то есть эмпирически проверенной благотворной роли тех или иных институтов, а изначально предполагается. Если она и может получить моральное оправдание, то лишь на каких-то иных основаниях, чем сама по себе временная близость и дальность. Эту роль могут играть как уже проанализированные аргументы (аргумент от неопределенности будущих потерь и приобретений, аргумент от увеличения предельной полезности), так и те два аргумента, которые нам только предстоит проанализировать. Если те и другие не выдерживают критики, то и апелляция к морально оправданной пристрастности оказывается необоснованной.

Итак, следующий аргумент в пользу социального дисконтирования будущего — альтернативные издержки или упущенная выгода. Первым возражением против него является указание на невозможность достаточной координации и преемственности экономической деятельности на длительных промежутках времени. Этот аргумент предполагает, что средства, полученные от использования тех невозобновляемых ресурсов, которые могли бы быть законсервированы, или вследствие откладывания каких-либо дорогостоящих природоохранных мероприятий, будут на систематической основе использоваться, в

том числе, для компенсации будущим поколениям или для восстановления экологических потерь, возникших вследствие отсрочки, а не только для увеличения потребления нынешнего поколения. Однако дело в том, что эффективной системы, обеспечивающей именно такое использование средств в длительной перспективе, на настоящий момент не существует, и у нас нет оснований рассчитывать, что она обязательно появится. Впрочем, представим себе, что такая система существует, изменит ли это радикально этический статус дисконтирования будущего применительно к последующим поколениям? Совсем не очевидно. Ведь логика альтернативных издержек оказывается применима лишь к конкретным комплексным проектам, включающим в себя как действия, которые угрожают интересам будущих поколений, так и меры по защите этих интересов, даже если такие меры носят отсроченный характер. Тот факт, что некоторые из подобных проектов могут быть обоснованными с социально-этической точки зрения, не влечет за собой автоматически вывода о том, что любые потери и приобретения будущих поколений должны дисконтироваться с коэффициентом равным доходности государственных ценных бумаг¹².

Наконец, рассуждение об альтернативных издержках игнорирует проблему невозобновимости некоторых благ и безвозвратности некоторых потерь. Если такие блага существуют, если некоторые потери по своей сути не подлежат позднейшей компенсации, то это исключает применение логики альтернативных издержек. Известный экофилософ Б. Нортон, рассуждая о проблеме спровоцированного человеческой деятельностью исчезновения видов, выразил эту мысль следующим образом: «Если нас будут принимать всерьез только в том случае, когда мы используем количественные показатели, я предложил бы некоторые новые единицы измерения. Один «Ой!» — это самая малая единица огорчения, которую мы чувствуем, когда сознательно способствуем исчезновению видов... Один «Я опасуюсь...» — это количество неведения биологов, отвечающих экономистам на вопрос по поводу роли видов и экосистем... Необратимые «Ой!» и неопределенные «Я опасуюсь...» являются главным фактором при принятии решений о биологическом разнообразии»¹³. А это значит, что, хотя

¹² Revesz R.L. Environmental Regulation, Cost-Benefit Analysis, and the Discounting of Human Lives // Columbia Law Review. 1999. Vol. 99. № 4. P. 1008.

¹³ Norton B. Commodity, Amenity, and Morality: The Limits of

бы по отношению к этому вопросу, дисконтирование будущего должно быть отброшено.

Шестой аргумент в пользу дисконтирования — учет чистых временных предпочтений. Эта теоретическая конструкция предполагает некритический перенос логики рассуждения о распределении полезности (удовлетворенности предпочтений) в пределах одной жизни на суммирование благосостояния многих людей. В отличие от дисконтирования, которое осуществляется внутри определенного поколения (например, дисконтирования ущерба, который возникает через много лет после вредного химического или радиационного воздействия на человеческий организм), дисконтирование потерь и приобретений будущих поколений на этой основе выглядит как своего рода дискриминация по признаку времени существования. Дискриминация тем более возмутительная, что дискриминируется группа, которая неспособна к политическому противодействию. Как и в случае признания аксиомой морали пристрастности к близким людям, здесь грубо нарушается утилитаристский принцип исходной равной значимости благосостояния каждого человека. Авторы, пытающиеся подчеркнуть вопиющий характер этого нарушения, апеллируют к очень простой идеальной модели. Надо представить себе общество, которое состоит из двух людей, существующих последовательно 50 и 50 лет, и которое ничего не производит, а лишь потребляет уже имеющиеся в наличии к началу жизни первого человека 100 единиц некоего ресурса, определяющего уровень благосостояния каждого из них. Будет ли морально оправданным распределить эти единицы не 50 на 50, а в соответствии с коэффициентом дисконтирования будущего, то есть с резким сокращением доли человека живущего позднее? Интуитивно второе решение воспринимается как морально неприемлемое¹⁴.

Однако можно предположить, что несмотря на интуитивную очевидность критериев оценки в этой идеальной ситуации, большинство наших современников, отзываясь на реальные практические проблемы, все же переносят индивидуальные временные предпочтения на отношение к будущим поколениям¹⁵. В демократическом государстве это

автоматически влечет за собой отражение подобного переноса в соответствующих мерах государственного регулирования. Так Э.Познер пишет, что правительства должны не заботиться о будущих поколениях в соответствии с каким-то объективным моральным стандартом, а предельно точно выражать степень озабоченности интересами будущих поколений, имеющуюся у их избирателей. В противном случае они выходят за пределы своих полномочий. Анализ выгод и затрат, применяемый ими, также должен соответствовать подобному ограничению¹⁶.

Однако предложенное Э.Познером рассуждение игнорирует основную роль анализа выгод и затрат, который призван обнаруживать социально-этический оптимум или, хотя бы, вносить свой вклад в его обнаружение. Если правительства ограничены в действиях на благо будущих поколений своим представительским характером, то они, во всяком случае, не ограничены в том, чтобы фиксировать и демонстрировать сомнительные с точки зрения морали установки большинства с целью их коррекции. Анализ выгод и затрат является одним из средств решения этой задачи. В связи с этим он может не принимать во внимание такое основание для дисконтирования будущего как чистые временные предпочтения. Кроме того, следует учитывать, что в рамках демократий существуют серьезные, хотя и ограниченные по своим возможностям, контрмажоритарные механизмы, в том числе механизмы, которые позволяют принимать решения, не полностью соответствующие готовности граждан платить за те или иные блага. Эти механизмы позволяют уклоняться от простого следования за преобладающими моральными установками. Расходящийся с ними анализ выгод и затрат может выступать как основа для использования этих механизмов.

Подведение итогов

Проведенный выше анализ аргументов «за» и «против» социального дисконтирования будущего показывает, что безусловных доводов в его пользу не существует. До этого мы предположили, что без дисконтирования утилитаристские подходы к при-

Quantification of Valuing Biodiversity // Biodiversity / Ed. by E.O. Wilson. Washington: National Academy Press, 1988. P. 204-205.

¹⁴ Revesz R.L. Environmental Regulation, Cost-Benefit Analysis, and the Discounting of Human Lives // Columbia Law Review. 1999. Vol. 99. № 4. P. 998.

¹⁵ Это утверждение также не является бесспорным. Эмпири-

ческие исследования показывают крайнюю неоднородность позиций см.: Johannesson M., Johansson P.-O. The Discounting of Lives Saved in Future Generations – Some Empirical Results // Health Economics. 1996. Vol. 5. № 4. P. 329-332.

¹⁶ См.: Posner E.A. Agencies Should Ignore Distant-Future Generations // The University of Chicago Law Review. 2007. Vol. 74. № 1. P. 139-143.

нятию решений в межпоколенческом контексте пробуксовывают. Отсюда можно сделать вывод, что утилитаристская перспектива в этике будущего должна быть отброшена. Но так ли это? Для ответа на данный вопрос мне кажется продуктивным обратиться к одной недавней социально-этической дискуссии. Ее основные участники — американский правовед и философ права, в 2009–2010 гг. ведущий функционер американского Агентства по защите окружающей среды, Л. Хайнцерлинг и другой известный современный исследователь, К. Санштайн, на настоящий момент — руководитель Управления по делам информации и регулирования в администрации Б. Обамы. Предмет спора — моральная обоснованность и место в принятии управленческих решений анализа выгод и затрат.

Критика анализа выгод и затрат со стороны Л. Хайнцерлинг связана с тезисом, что эта методика не просто неспособна реагировать на проблему «невосполнимости» некоторых потерь, акцентируемую Б. Нортоном, но претендует на количественную, экономическую оценку того, что по своей сути является «бесценным». Она пишет: «Перевод всех хороших вещей в доллары несовместим с тем, как многие люди видят мир. Большинство из нас не без оснований полагает, что за деньги счастья не купишь. Большинство религий говорит нам, что жизнь священна. Очевидно противозаконным и аморальным считаются продажа и покупка человеческих жизней». Анализ выгод и затрат противоречит всем этим интуициям. Он «сводит комплексное моральное исследование к серии цифр. Денежная оценка бесценного предлагает такому исследованию совершенно чуждый язык, язык с мучительно обедненным лексиконом»¹⁷. Кульминацией «пренебрежения бесценным», по Л. Хайнцерлинг, является именно то обстоятельство, что в рамках анализа выгод и затрат человеческие жизни не только приобретают стоимость, но и начинают рассматриваться как различные по своей стоимости в зависимости от времени существования их обладателей. Причем темп снижения их стоимости зависит от такого этически случайного фактора, как доходность инвестиций¹⁸.

К. Санштайн, в свою очередь, полагает, что при всей весомости соображений Л. Хайнцерлинг они

не могут стать моральным приговором ни анализу выгод и затрат, ни интегрированному в него дисконтированию будущего. Анализ выгод и затрат, по его мнению, остается вполне обоснованным инструментом для выбора направлений и форм государственного регулирования. Его противоречие моральной интуиции, по мнению К. Санштайна, является поверхностным и мнимым. Это своего рода аберрация теоретического сознания. Государственные агентства оценивают не жизнь как таковую, а затраты на уменьшение статистических рисков для жизни. И дисконтируют они не жизни или здоровье будущих поколений, а финансовые средства, которые используются для их сохранения. При ограниченных финансовых и организационных возможностях государства и потенциально безграничном временном горизонте планирования и денежная оценка, и дисконтирование оказываются неизбежными. С определенной долей условности вполне можно сказать, что применение анализа выгод и затрат защищает интересы будущих поколений, поскольку всерьез принимает их во внимание. Однако результаты такого применения в некоторых случаях, в особенности, связанных с возможностью невозможных потерь и необходимостью неотложных действий, предотвращающих катастрофические последствия в будущем, могут содержать очевидную распределительную нечестность. Выявление такой нечестности и ее устранение являются отдельными задачами, которые осуществляются уже после проведения анализа выгод и затрат. Это требует разработки специальных нормативных критериев и управленческих мер, но не может быть достигнуто за счет простого снижения или обнуления коэффициента дисконтирования для решения конкретного практического вопроса¹⁹.

На мой взгляд, позиция К. Санштайна отличается комплексным характером и глубиной. Она снимает подозрение в том, что анализ выгод и затрат содержит в себе элемент неуважения к жизни и интересам людей будущего, и одновременно, показывает существенную, но не единственно определяющую роль этой методики в государственном управлении. Собственно, эту позицию можно считать корректным отражением как самого по себе наличия, так и довольно условного характера этических аргументов в пользу дисконтирования

¹⁷ Ackerman F., Heinzerling L. Pricing the Priceless: Cost-Benefit Analysis of Environmental Protection // University of Pennsylvania Law Review. 2001. Vol. 50. P. 1563, 1577.

¹⁸ См.: Heinzerling L. Discounting Our Future // Land and Water Law Review. 1999. Vol. 34. № 1. P. 40-74.

¹⁹ См.: Sunstein C., Rowell A. On Discounting Regulatory Benefits: Risk, Money, and Intergenerational Equity // American Economic Review. 2007. Vol. 74. P. 171-208.

будущего. Дисконтирование будущего является следствием некоторых допущений фактического и теоретического порядка (допущения о высокой вероятности изменений, которые сделают сберегательные фонды ненужными или необходимыми в меньшей степени, допущения о постоянстве экономического роста, допущения о том, что отказ от дисконтирования на основе чистых временных предпочтений или соображений временной близости превосходит полномочия демократического правительства по коррекции мнения большинства, допущения о возможности переноса критериев оценки отдельных проектов на экономическую систему в целом, допущения о возможности скомпенсировать любой ущерб (включая человеческую жизнь и здоровье, исчезновение видов, деградацию экосистем) и т.д.) Наличие фактических допущений предполагает, что уровень дисконтирования должен пересматриваться, если они не оправдываются. Наличие теоретических допущений требует проверять результаты анализа выгод и затрат с помощью других критериев и методик.

При этом общее направление рассуждения К. Санштайна можно рассматривать как нечто большее, чем ответ на трудности освоения социальной этикой проблемы будущих поколений. Оно открывает нам вид на неустранимую много-

уровневость социально-этического исследования. Последнее является, если можно так выразиться, прошупыванием разных сторон общественного блага. Анализ выгод и затрат (утилитаристская перспектива) — это один из способов осуществления этой задачи. Оценка честности отношений между группами — еще один. Он позволяет оценивать принимаемые решения на соответствие идее этического равенства между людьми в ее более широком смысле, чем равный вес благосостояния каждого в рамках суммированного общественного благосостояния. Оценка степени невосполнимости потерь — еще один такой способ. Причем анализ выгод и затрат выступает как своего рода вводный социально-этический анализ. Он может оказаться достаточным или недостаточным в зависимости от конкретного контекста. По отдельным вопросам его итоги следует проверять в свете других критериев и корректировать. Однако применительно к вопросу о защите интересов будущих поколений это означает и то, что утилитаризм не является монопольной методологией ее разрешения. Коррекция результатов анализа выгод и затрат производится на основе критериев честности, а те должны иметь какое-то неутилитаристское теоретическое основание, способное, как и утилитаризм, работать в межпоколенческом контексте.

Список литературы:

1. Апресян Р.Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и нон-антропоцентризма // Этическая мысль. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2010. С. 5-19.
2. Прокофьев А.В. По ту сторону беспристрастности // Человек. 2009. № 3. С. 21-34.
3. Ackerman F., Heinzerling L. Pricing the Priceless: Cost-Benefit Analysis of Environmental Protection // University of Pennsylvania Law Review. 2001. Vol. 50. P. 1553-1584.
4. Arrow K.J. Discounting, Morality, and Gaming // Discounting and Intergenerational Equity / Ed. P. Portney and J. Weyant. Washington: Resources for the Future, 1999. P. 13-21.
5. Beckerman W., Hepburn C. Ethics of the Discount Rate in the Stern Review on the Economics of Climate Change // World Economics. 2007. Vol. 8. № 1. P. 187-210.
6. Chapman G.B. Time Preferences for the Very Long Term // Acta Psychologica. 2001. Vol. 108. № 2. P. 95-116.
7. Cowen T. Caring about the Distant Future: Why It Matters and What It Means // The University of Chicago Law Review. 2007. Vol. 74. № 1. P. 5-40.
8. Dasgupta P.S., Heal G.M. Economic Theory and Exhaustible Resources. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 501 p.
9. Heinzerling L. Discounting Our Future // Land and Water Law Review. 1999. Vol. 34. № 1. P. 40-74.
10. Johannesson M., Johannsson P.-O. The Discounting of Lives Saved in Future Generations — Some Empirical Results // Health Economics. 1996. Vol. 5. № 4. P. 329-332.
11. Mulgan T. Understanding Utilitarianism. Stocksfield: Acumen, 2007. 194 p.
12. Norton B. Commodity, Amenity, and Morality: The Limits of Quantification of Valuing Biodiversity // Biodiversity / Ed. by E.O. Wilson. Washington: National Academy Press, 1988. P. 200-206.
13. Pearce D.W., Mourato S., Atkinson G. Cost-Benefit Analysis and the Environment: Recent Developments. Paris: OECD Publishing, 2006. 316 p.

14. Posner E.A. Agencies Should Ignore Distant-Future Generations // The University of Chicago Law Review. 2007. Vol. 74. № 1. P. 139-143.
15. Revesz R.L. Environmental Regulation, Cost-Benefit Analysis, and the Discounting of Human Lives // Columbia Law Review. 1999. Vol. 99. № 4. P. 941-1017.
16. Sidgwick H. The Methods of Ethics. L.: Macmillan, 1884. 507 p.
17. Smart J.J. An Outline of a System of Utilitarian Ethics // Smart J.J., Williams B.O. Utilitarianism: For and Against. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 3-76.
18. Sunstein C. Cost-Benefit Analysis and the Environment // Ethics. 2005. Vol. 115. № 2. P. 351-385.
19. Sunstein C, Rowell A. On Discounting Regulatory Benefits: Risk, Money, and Intergenerational Equity // American Economic Review. 2007. Vol. 74. P. 171-208.

References (transliteration):

1. Apresyan R.G. Moral'no-filosofskiy smysl dilemmy antropotsentrizma i non-antropotsentrizma // Eticheskaya mysl'. Vyp. 10 / Pod red. A.A. Guseynova. M.: IF RAN, 2010. S. 5-19.
2. Prokofev A.V. Po tu storonu bespristrastnosti // Chelovek. 2009. № 3. S. 21-34.
3. Ackerman F., Heinzerling L. Pricing the Priceless: Cost-Benefit Analysis of Environmental Protection // University of Pennsylvania Law Review. 2001. Vol. 50. P. 1553-1584.
4. Arrow K.J. Discounting, Morality, and Gaming // Discounting and Intergenerational Equity / Ed. P. Portney and J. Weyant. Washington: Resources for the Future, 1999. P. 13-21.
5. Beckerman W., Hepburn C. Ethics of the Discount Rate in the Stern Review on the Economics of Climate Change // World Economics. 2007. Vol. 8. № 1. P. 187-210.
6. Chapman G.B. Time Preferences for the Very Long Term // Acta Psychologica. 2001. Vol. 108. № 2. P. 95-116.
7. Cowen T. Caring about the Distant Future: Why It Matters and What It Means // The University of Chicago Law Review. 2007. Vol. 74. № 1. P. 5-40.
8. Dasgupta P.S., Heal G.M. Economic Theory and Exhaustible Resources. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 501 p.
9. Heinzerling L. Discounting Our Future // Land and Water Law Review. 1999. Vol. 34. № 1. P. 40-74.
10. Johannesson M., Johannesson P.-O. The Discounting of Lives Saved in Future Generations — Some Empirical Results // Health Economics. 1996. Vol. 5. № 4. P. 329-332.
11. Mulgan T. Understanding Utilitarianism. Stocksfield: Acumen, 2007. 194 p.
12. Norton B. Commodity, Amenity, and Morality: The Limits of Quantification of Valuing Biodiversity // Biodiversity / Ed. by E.O. Wilson. Washington: National Academy Press, 1988. P. 200-206.
13. Pearce D.W., Mourato S., Atkinson G. Cost-Benefit Analysis and the Environment: Recent Developments. Paris: OECD Publishing, 2006. 316 p.
14. Posner E.A. Agencies Should Ignore Distant-Future Generations // The University of Chicago Law Review. 2007. Vol. 74. № 1. P. 139-143.
15. Revesz R.L. Environmental Regulation, Cost-Benefit Analysis, and the Discounting of Human Lives // Columbia Law Review. 1999. Vol. 99. № 4. P. 941-1017.
16. Sidgwick H. The Methods of Ethics. L.: Macmillan, 1884. 507 p.
17. Smart J.J. An Outline of a System of Utilitarian Ethics // Smart J.J., Williams B.O. Utilitarianism: For and Against. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 3-76.
18. Sunstein C. Cost-Benefit Analysis and the Environment // Ethics. 2005. Vol. 115. № 2. P. 351-385.
19. Sunstein C, Rowell A. On Discounting Regulatory Benefits: Risk, Money, and Intergenerational Equity // American Economic Review. 2007. Vol. 74. P. 171-208.